

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ИЕРУСАЛИМЕ

I. История учреждения, цели и задачи

Среди многочисленных церковных представительств Русской Церкви за пределами России Духовная Миссия в Иерусалиме занимает особое место. Прежде всего Миссия располагается на Святой Земле, и уже одно это ставит ее в совершенно исключительное положение. Особый статус представительства Русской Церкви на Святой Земле подчеркивается самим ее названием – Духовная Миссия. С понятием Миссии традиционно связывается миссионерство, проповедь слова Божия. И в то же время всякий, кто знаком с сегодняшней деятельностью Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, знает, что главным делом Миссии является забота о русских паломниках, посещающих Святую Землю.

С какой целью была создана Миссия? В каком соотношении находятся главные стороны ее деятельности: миссионерство и попечение о паломниках?

Впервые вопрос об учреждении в Иерусалиме представительства Русской Церкви встал в связи с паломниками из России. Представитель Святогробского братства архимандрит Арсений, прибывший в начале XIX века в Россию для сбора средств в пользу Иерусалимской Церкви, предложил императору Николаю I устроить в Иерусалиме особый монастырь для русских поклонников*. Однако эта идея, несмотря на свою важность и актуальность, не встретила тогда должного понимания.

В 1838 году мысль о необходимости учреждения в Иерусалиме Духовной Миссии высказал камергер Муравьев, посетивший Палестину с целью изучения возможностей упрочения в Святой Земле русского влияния. По мысли Муравьева, русский архимандрит «мог бы иметь благотворное влияние на... единоверцев и распространять среди них свет и нужные познания»².

Однако реально вопрос о создании в Иерусалиме Духовной Миссии был связан не с русскими паломниками, а с поиском мер, направленных на укрепление Православия, а значит и русского влияния в Палестине.

Всем известно о тех огромных пожертвованиях, которые посылались из России на восстановление святынь в Палестине, на нужды Святогробского братства. Велико было значение России и как покровительницы православных, проживавших на территории Оттоманской империи. Российская дипломатия через свое посольство в Константинополе неоднократно решительно защищала Иерусалимскую Патриархию. Это касалось прежде всего права православных на владение святыми местами.

И финансовая помощь Иерусалимской Церкви, и защита ее интересов перед турецкими властями – все это было важно и необходимо. Но нередко помощь со стороны России осуществлялась без ясного понимания ситуации в Иерусалиме. Российский посол находился в Константинополе. Ближайшим к Иерусалиму представителем России был лишь бейрутский консул.

* Так раньше назывались паломники. – *Прим. ред.*

В июне 1842 года вице-канцлер Нессельроде подал на имя императора Николая I доклад, в котором отмечал, что Православие в Палестине находится в бедственном положении. В качестве конкретной меры по улучшению положения Нессельроде считал полезным пребывание в Иерусалиме духовного лица³. Говоря о пользе присутствия в Святой Земле русского священника, Нессельроде пишет об изучении положения греческой Церкви, о контактах с местным духовенством, о посреднической функции в отношениях с Российским Синодом, наконец, о возможном наблюдении за расходованием собранных в России средств⁴. Однако вице-канцлер совсем не упоминает о русских поклонниках.

Доклад Нессельроде был утвержден императором и определен к исполнению. Для осуществления содержащихся в нем рекомендаций был избран архимандрит Порфирий (Успенский), бывший в то время настоятелем посольской церкви в Вене. Согласно рекомендации государственного сановника, архимандрит Порфирий посылался в Палестину неофициально, на правах паломника, чтобы не вызывать беспокойства турецких властей и представителей инославия.

Изучив ситуацию в Палестине, архимандрит Порфирий высказал мнение о необходимости учреждения в Иерусалиме Духовной Миссии. Причем самым важным он считал представительскую и миссионерскую деятельность. Миссия, по его словам, должна быть знаком «видимого единения Церквей Иерусалимской, Антиохийской и Российской». Она должна наблюдать за расходованием присылаемых из России средств, снабжением местных церквей иконами, давать полезные советы при устройстве школ и семинарий, выяснять, где обращенные в ислам арабы помнят христианство, с тем чтобы при благоприятной возможности обратить их в христианскую веру. Однако архимандрит Порфирий мало пишет о связи Миссии с русскими паломниками. Он говорит лишь о «наблюдении» Миссии за паломниками⁵.

После возвращения архимандрита Порфирия с Востока и сделанного им доклада, 11 февраля 1847 года императором было принято решение об учреждении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В качестве начальника Миссии решили послать самого архимандрита Порфирия. Для руководства он получил инструкцию, по которой Миссия должна была заниматься миссионерством в широком смысле этого слова. В ее задачи входило ни много ни мало исправление греческого духовенства, а также утверждение в Православии постоянно колеблющихся местных жителей. В то же время Миссии не рекомендовалось вмешиваться в житейские дела русских паломников⁶, которые находились на попечении Иерусалимской Церкви.

При существовавшем положении дел решение поставленных инструкцией задач было нереальным. Каким образом могла влиять на местное духовенство Миссия, имевшая самые скромные возможности и ограниченный состав? Контакты же с местным населением с целью его утверждения в Православии могли быть истолкованы как вмешательство во внутренние дела Иерусалимской Церкви, что категорически воспрещалось инструкцией⁷. Архимандрит Порфирий пытался что-то делать, просил денег на развитие местных школ, на помощь русским паломникам. В 1849 году он основал школу в Крестном монастыре для греков и арабов. Один из исследователей отмечает, что в 1853 году в ней было 50 учеников⁸. Архимандрит Порфирий проводил также большую работу по подготовке и печатанию учебников и молитвословов на арабском языке⁹. Однако его просьбы о финансовой помощи Миссии оставались безответными. Осознав свою оставленность петербургским руководством, архимандрит Порфирий посвятил себя научной деятельности¹⁰. Его пребывание в Палестине было прервано Крымской войной.

После окончания Крымской войны российское правительство решило возобновить деятельность Миссии в Иерусалиме. Ее утверждению предшествовал доклад Министерства иностранных дел на имя императора. В докладе содержится косвенная оценка деятельности Миссии перед Крымской войной. Она характеризуется как «пассивное наблюдение»¹¹. Министерство предлагает прежде всего определить конкретные цели деятельности Миссии. В докладе также дается принципиально новый подход к восточной теме. Новизна его в том, что меняется угол зрения России на Церкви Иерусалима и Антиохии. Если до этого среди Церквей Востока приоритет отдавался исключительно греческой иерархии, то теперь серьезное внимание обращается на местную арабскую паству, которая должна стать главным объектом деятельности Миссии. Инструкция, составленная для руководства начальнику Миссии, предписывала иметь особое попечение об арабском духовенстве, а также о духовном просвещении палестинцев¹². По инструкции, Россия через посредство Миссии должна была примирить греков с арабами и поддержать последних, так чтобы денежная помощь католиков не побуждала их оставлять Православие¹³. Заботе о паломниках в инструкции отводилось очень скромное место. Начальнику Миссии предписывалось «нравственное наблюдение» за ними.

Проводить в жизнь поставленные задачи предстояло епископу Кириллу (Наумову), назначенному новым начальником Миссии. Официальное назначение в Иерусалим русского епископа у многих вызвало подозрение, что за этим скрываются чисто политические цели. Греческий историк Иерусалимской Церкви, анализируя текст инструкции начальнику Миссии, заключает, что «начальник Русской Миссии должен был быть представителем не Русской Церкви, но российской политики»¹⁴.

Можно согласиться с тем, что доклад Министерства иностранных дел, инициировавший воссоздание Миссии, носил характер политического документа¹⁵. Однако это вовсе не означает, что Духовная Миссия превращалась в миссию политическую. Миссии как религиозному учреждению была поставлена сугубо духовная цель, состоявшая в укреплении Православия среди палестинских арабов. И в то же время эта духовная цель для православной Российской империи была одновременно целью политической.

Обращение Миссии в сторону арабской паствы вызвало негативную реакцию со стороны греческого духовенства. Просветительная деятельность среди чужой паствы воспринималась как вмешательство в дела Иерусалимской Церкви. Следствием этого стала определенная напряженность в отношениях епископа Кирилла с иерусалимской иерархией. Греческий историк Иерусалимской Церкви характеризует деятельность епископа Кирилла в первый период его пребывания в Иерусалиме, как направленную против греков¹⁶. Впоследствии отношения начальника Миссии с Иерусалимской Церковью нормализовались, и епископ Кирилл стал пользоваться определенной симпатией Иерусалимского Патриарха.

Несмотря на то, что в данной Владыке Кириллу инструкции почти не отводилось места русским паломникам, начальник Миссии брал на себя и эту заботу. В целом паломники находились на попечении греков. Для тех же, кому не хватало мест в греческих монастырях, епископ Кирилл на средства Миссии снимал частные дома¹⁷. Нередко начальник Миссии устраивал для паломников богослужения на славянском языке. Иногда он возглавлял караваны паломников, формировавшиеся для посещения святых мест. Членам Миссии было вменено в обязанность заниматься духовным окормлением русских богомольцев¹⁸.

В 1858 году было образовано сразу три русских учреждения, так или иначе связанных с русскими поклонниками: в Иерусалиме было открыто Российское консульство и агентство Русского общества пароходства и торговли. Кроме того, в Петербур-

ге был образован Палестинский Комитет, преобразованный впоследствии в Императорское Православное Палестинское Общество¹⁹. Основание вышеупомянутых учреждений было несомненным шагом вперед в деле поддержки местного Православия и паломничества из России. Однако сферы деятельности данных учреждений и Миссии не были четко разграничены. Отсюда возникали ссоры и интриги. Постепенно большинство функций, которые должна была осуществлять Миссия согласно полученной инструкции, перешло к вышеупомянутым учреждениям. Миссия постепенно превращалась в паломническую церковь. Высокий статус начальника Миссии не был востребован. В результате интриг в 1864 году епископ Кирилл был отозван в Россию²⁰.

Инструкция, данная новому начальнику Миссии архимандриту Леониду (Кавелину), назначенному в том же 1864 году, существенно отличается от предыдущих инструкций. Она реалистичнее и охватывает более узкий круг вопросов, вверяемых ведению начальника Миссии. Миссия должна поддерживать добрые отношения с местным духовенством, а также передавать по назначению поступающие из России пожертвования. Вместе с тем возрастает значение Миссии в духовном окормлении паломников. «Удовлетворение духовных нужд русских поклонников» называется «одним из главных предметов попечения Миссии»²¹. На Миссию возлагается совершение богослужений для русских паломников, а также их пастырское окормление. При архимандрите Леониде 28 июня 1864 года в Миссии был освящен храм в честь святой мученицы царицы Александры – первый русский храм на Святой Земле. Отныне русские паломники могли свободно молиться у себя в храме на родном языке. Это способствовало укреплению авторитета Миссии. К сожалению, у отца Леонида не сложились отношения с российским консулом, а также с Иерусалимским Патриархом. В результате Патриарх запретил начальнику Миссии служить на святых местах и просил российское правительство отозвать отца Леонида из Иерусалима²².

Возникшие нестроения поставили под вопрос даже само существование Миссии. Однако постепенно все уладилось. Новым начальником Миссии был назначен архимандрит Антонин (Капустин). Отец Антонин был первым начальником Миссии, которому не было дано никаких инструкций²³. Министерство иностранных дел к тому времени стало осуществлять большинство своих дел через Палестинский Комитет²⁴, поэтому существование Духовной Миссии в Иерусалиме, с точки зрения российского МИДа, потеряло прежний смысл. Кроме того, фактическое игнорирование нового начальника объяснялось определенным предубеждением, которое имелось относительно него в Синоде. В результате отец Антонин должен был сам искать сферу приложения своих недюжинных способностей. Немало трудов положил он для духовного просвещения жителей Палестины. В инструкции, данной архимандриту Леониду, как о наилучшей мере говорится о желательности бесплатного обучения детей местных арабов. В то же время автор инструкции сетует, что у Миссии нет такой школы²⁵. Архимандрит Антонин в самом начале своей деятельности в Иерусалиме по собственной инициативе и на изысканные им самим средства купил участок земли в селии Бейт-Джала. На этом месте, расположенном недалеко от Вифлеема, на деньги, пожертвованные императрицей Марией Александровной, он возвел большой дом, в котором устроил школу для арабских девочек²⁶. Эту школу можно считать первым русским учебным заведением в Палестине²⁷. Впоследствии отец Антонин передал управление школой Палестинскому Обществу.

Однако главное внимание начальник Миссии уделял русским паломникам. Фактически при архимандрите Антонине завершился процесс переориентации деятельности Миссии. Уделяя большое внимание миссии внешней, то есть духовному

просвещению местных жителей, главный акцент он делает на миссии внутренней — на заботе о духовном просвещении посещающих Святую Землю русских богомольцев. В одном из своих писем он так определяет положение начальника Миссии: «Начальник Миссии нашей в Иерусалиме вовсе не есть простой поверенный или посланник Святейшего Синода при Иерусалимском православном Престоле. Он есть духовный начальник поклоннического учреждения нашего в Иерусалиме...»²⁸.

Претворяя в жизнь свои планы, архимандрит Антонин занялся приобретением участков земли в Палестине. Этим он достигал двойной цели. С одной стороны, ставил преграду деятельности католиков и протестантов, скупавших святые места и строящих на них свои храмы и учреждения, с другой — закрепляя земли за Русской Церковью, давал возможность русским поклонникам творить молитву на святых местах. Благодаря активности отца Антонина был приобретен участок с Дубом Мамврийским, евангельская Горня, участок на Елеонской горе недалеко от места Вознесения Спасителя, участок в Иерихоне, участок земли в Яффе с гробницей праведной Тавифы. На всех этих местах заботами палестинского труженика воздвигались монастыри и храмы, приюты для русских поклонников. В память о своем основателе многие из приютов еще долго назывались «архимандричьи» или «антониновские»²⁹.

Деятельность начальника Миссии при его жизни не получила достойной оценки. В 1872 году был издан указ Синода, где говорилось о нежелательности дальнейших приобретений земли, поскольку через это нарушался одобренный всеми сторонами *status quo* по отношению к святым местам. Справедливости ради следует сказать, что деятельность архимандрита Антонина (Капустина) была бы невозможна без покровительства графа Игнатьева, занимавшего пост посла России в Константинополе. В конце 1870-х годов, после того как Игнатев покинул Константинополь, целесообразность существования Русской Духовной Миссии на некоторое время вновь подверглась сомнению³⁰.

Приобретения архимандрита Антонина вызывали большую настороженность со стороны иерусалимской иерархии. Греческий историк Иерусалимской Церкви пишет, что в результате деятельности отца Антонина были заложены новые принципы деятельности России в Палестине и на всем Ближнем Востоке, которые вели к вытеснению оттуда греческого духовенства и к возникновению межнациональных споров³¹.

Данное высказывание страдает определенной субъективностью. Приобретая земли в Палестине, отец Антонин противодействовал не греческому духовенству, а активизировавшейся католической и протестантской пропаганде. Укрепляя Русскую Миссию в Иерусалиме, он усиливал позиции Православия в Святой Земле, а значит, и позиции Иерусалимской Церкви.

Среди дореволюционных преемников архимандрита Антонина наиболее выдающейся фигурой является архимандрит Леонид (Сенцов), бывший начальником Миссии с 1903 по 1918 год. Он продолжил труды своего великого предшественника. Архимандрит Леонид приобрел земельные участки в районе Иерусалима, Хеврона, Хайфы, в Галилее. На этих участках он строил церкви и приюты для паломников³². В целом Миссия сохраняла то паломническое направление, которое задал ей архимандрит Антонин.

После революции 1917 года паломничество в Святую Землю из России прекратилось. Деятельность Миссии с этого момента была направлена лишь на выживание в новых условиях. В 1948 году была восстановлена связь Иерусалимской Миссии с Московским Патриархатом. Однако это не оживило паломнического движения,

которое было несовместимо с идеологией государственного атеизма, царившей в Советском Союзе. К своему миссионерскому служению Миссия вернулась в декабре 1993 года, когда в Святую Землю были возобновлены регулярные поездки паломников из России. В условиях духовного вакуума прикосновение к святыням христианства становится для многих наших соотечественников путем к обретению и углублению веры, дорогой в Церковь.

Духовное просвещение паломников из России, посещающих Святую Землю, является главным направлением деятельности Миссии в наши дни. Миссия расширяет прием паломников, принимая на свое попечение все заботы, связанные с их пребыванием в Святой Земле.

Важной стороной деятельности Миссии является подготовка материалов, свидетельствующих о Святой Земле, о Православной Церкви, несущей здесь свое служение. С этой целью Русская Духовная Миссия начала производство серии видеофильмов под общим названием «Православие на Святой Земле». Готовится к выходу в свет иллюстрированная книга о Святой Земле. В стадии подготовки еще несколько изданий.

Обозревая в год 150-летнего юбилея исторический путь Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, мы можем констатировать принципиальное изменение характера деятельности Миссии. В центре внимания Миссии сначала находилось греческое духовенство, затем палестинцы и, наконец, русские паломники. Из Миссии внешней постепенно она превратилась в Миссию внутреннюю, направленную на духовное просвещение русского народа. Находясь вдалеке от родины, Русская Духовная Миссия в Иерусалиме является важным церковным институтом, формирующим духовный потенциал России, русского народа.

II. Деятельность архимандрита Антонина (Капустина) по приобретению земель в Палестине

Многогранная деятельность начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина), которую без преувеличения можно назвать выдающейся, заслуживает внимания с разных точек зрения. С полным правом архимандрита Антонина можно назвать крупным ученым, внесшим немалый вклад в изучение наследия Древнего Востока и прославившим имя российской науки. Однако если говорить об архимандрите Антонине как об ученом, исследователе Востока, то нужно говорить о нем как об одном из плеяды крупнейших ученых и выдающихся исследователей. Нельзя, к примеру, назвать архимандрита Антонина единственным русским востоковедом или первым среди них.

Однако если в отношении архимандрита Антонина как ученого-востоковеда такая постановка вопроса неуместна, то она вполне оправдана в отношении его как человека, внесшего наибольший вклад в приобретение земель в Палестине для России, для Русской Церкви. Конечно, покупал земли в Палестине не один архимандрит Антонин. Однако никто из русских, трудившихся в Палестине – будь то представители Русской Церкви или российского правительства, – не может сравниться в этом деле с отцом Антонином.

Вскоре после его смерти на состоявшемся 21 мая 1894 года годовом собрании Императорского Православного Палестинского Общества были сказаны следующие слова: «Только ему одному (архимандриту Антонину. – *И. М.*), его твердости, его настойчивости Православная Русь обязана тем, что стала твердою ногой у Святого Гроба»³³. В отчете Императорского Православного Палестинского Общества за 1899 год говорится: «Нам хорошо известно, что если там (в Палестине. – *И. М.*) есть что-либо

русское, то как созданию, так и сохранению его мы всецело обязаны досточтимому отцу Архимандриту»³⁴.

Какова же причина того, что архимандрит Антонин столь важное значение уделял приобретению земель в Палестине и почему его активность проявлялась именно в этой области?

Для того чтобы ответить на данный вопрос, следует разобраться в том положении, в котором находилась Миссия во время управления ею архимандритом Антонином. Положение отнюдь не было благоприятным. Причина этого во многом заключалась в порочности системы взаимоотношений между русским консульством в Иерусалиме и Духовной Миссией – в том, что сферы деятельности консульства и Миссии не были определены достаточно четко. Чем должна была быть и чем была Миссия в то время?

Как это ни парадоксально звучит в наши дни, для всех, имеющих отношение к сегодняшней жизни Русской Духовной Миссии, она не была представительством Русской Церкви при Иерусалимском Патриархате. Для бюрократической синодальной системы с ее подчинением Церкви чиновничьему аппарату государства такое положение Миссии было неприемлемым. Поэтому все официальные отношения с Иерусалимским Патриархатом от имени России и Русской Церкви велись либо по линии российского консульства в Иерусалиме³⁵, либо по линии Палестинской Комиссии³⁶.

Министерство иностранных дел, ведя таким образом свои дела, фактически игнорировало как самого архимандрита Антонина³⁷, так и возглавляемую им Миссию.

Некое предубеждение сохранялось к отцу Антонину и со стороны Синода, главным образом из-за позиции митрополита Московского Филарета (Дроздова). Однако даже после смерти последнего, когда архимандрит Антонин был, наконец, в 1869 году утвержден на посту начальника Миссии, предубеждение к нему и к Миссии в Петербурге сохранялось. Он был первым начальником Миссии, не получившим подробной инструкции в отношении своей деятельности в Иерусалиме³⁸.

В связи с таким положением понятно стремление бюрократического аппарата упразднить Миссию как излишнюю, низвести ее на положение обычной посольской церкви³⁹. В этой, казалось бы, тупиковой ситуации, когда проявление свойственной для Миссии активности воспринималось с недоверием и подозрением, архимандрит Антонин тем не менее находит выход. Сосредоточив все свое внимание на паломниках, он направляет свою энергию по наилучшему пути.

В письме к Мансурову отец Антонин пишет об этом так: «Я, чтобы не столкнуться ни с кем ни на политическом (по сведениям, не подлежащим сомнению, в Азиатском департаменте составилось мнение, что я добиваюсь (или присваиваю себе) политического значения в Палестине Духовной Миссии. Что сказать, чтобы не обидеть лиц, когда-то любимых? Видно, не у одного страха глаза велики!), ни на церковно-каноническом, ни даже на миссионерском поприще, ограничился одним чисто поклонническим значением своей Миссии и нашел способ, путем территориальных приобретений и устройством в разных местах русских приютов, поставить ее и крепче, и весче, и, пожалуй, даже блестяще, чем когда бы то ни было в другое время в Палестине»⁴⁰.

Данной фразе отца Антонина, в частности первой ее части, необходимо дать определенный комментарий. Если и можно говорить об устранении Миссии от политической и миссионерской деятельности в Палестине, то лишь весьма условно. Уклоняясь от активности на политическом и миссионерском поприще, архимандрит Антонин своими приобретениями как раз способствовал и политическому возвыше-

нию роли России на Ближнем Востоке, и укреплению Православия на Святой Земле. Достаточно взглянуть на историю христианства в Палестине, чтобы понять, в чем преимущественно выражалась борьба за чистоту Православия. Последние столетия палестинской жизни сплошь наполнены борьбой за обладание святыми местами. Особенно же это касалось главных святынь – храма Гроба Господня, Вифлеемской пещеры, Гробницы Божией Матери и т. д. Борьба Православия с католиками, армянами и другими неправославными в Святой Земле выражалась в особой форме. В любой другой стране предмет борьбы между конфессиями – это прежде всего души людей. В Палестине же, при постоянно существовавшей борьбе за души местных жителей, на первое место, пожалуй, выступал вопрос обладания святыми местами.

Таким образом, избегая, казалось бы, миссионерской активности и политического возвышения Миссии, архимандрит Антонин в реалиях Святой Земли был именно миссионером, защитником Православия на Святой Земле и активным борцом за укрепление российского влияния в Палестине.

Значимость покупок отца Антонина в деле противостояния инославному влиянию проявлялась в том, что объектами его внимания прежде всего были места, отмеченные важными библейскими событиями. Первым приобретением отца Антонина стал участок с находящимся на нем Дубом Мамврийским. За покупкой Мамврийского Дуба последовало приобретение других участков, среди которых особо следует выделить покупку отмеченных евангельскими событиями участков на Елеонской горе, в Айн-Кареме, Иерихоне, Вифлееме, Яффе. Отцом Антонином были также приобретены участки в Бейт-Джале, Силоаме, Тиверии, Анате. Перечисление этого солидного списка земель навевает впечатление некоей легкости дела земельных приобретений, что, однако, не отражает истинного положения вещей. Прежде всего для приобретения земли нужны были деньги, которых не хватало. На содержание Миссии выделялась небольшая сумма – 14 650 рублей – смета, утвержденная еще при епископе Кирилле⁴¹. Этой мизерной суммы едва хватало на «нищенское жалованье одному причту Миссии»⁴². Открыто призывать людей жертвовать на благое дело архимандрит Антонин тоже не имел права. Единственное, что ему оставалось, – это полагаться на отдельных благодетелей, на свой авторитет и влияние среди них.

Однако проблема со средствами была далеко не единственной. Покупка и регистрация недвижимости в пределах Османской империи были связаны с немалыми юридическими трудностями. Право мусульманской империи не знало понятия юридического лица. В турецких законах фигурировали лишь конкретные физические лица. Поэтому приобретать землю можно было либо на имя государственных представителей, либо на имя частных лиц.

В силу существовавшей в то время системы отношений государственных учреждений к Миссии первый путь был фактически исключен. Им пошла Палестинская Комиссия, покупавшая земли на имя русского консула или российского правительства⁴³. Отцу Антонину оставался лишь второй путь.

Однако приобретение земли иностранцами в пределах Турецкой империи было фактически запрещено⁴⁴. Основанием для этого запрещения служил мусульманский закон, который гласил, что немусульманин, приобретающий землю, становится должником в уплате земельного и подушного налога как постоянно живущий в империи⁴⁵.

Таким образом, «иностранец был лишен возможности приобретать земли и одновременно оставаться подданным своего государства, что освобождало его от налогообложения»⁴⁶. Данная проблема обсуждалась в феврале 1856 года, в результате чего иностранным подданным теоретически было предоставлено право приобретать землю

при условии, что они примут на себя все обязательства, возложенные на землевладельцев Османской империи⁴⁷. Однако для вступления закона в силу требовалось согласие на это иностранных держав. В результате лишь в 1867 году после обнародования закона, разрешающего иностранным подданным приобретать имущество, они фактически получили возможность становиться землевладельцами. Для русских же подданных возможность приобретения земель в пределах Османской империи открылась только в 1873 году, после того как Россия подписала протокол, согласившись тем самым с предложенными турецкими властями условиями⁴⁸.

В силу невозможности приобрести землю официальным путем отец Антонин до 1873 года оформлял сделки через подставных лиц, главным образом через турецкого подданного Якова Халеби, драгомана Миссии. Такой путь таил в себе немало трудностей, о чем пишет архимандриту Антонину его покровитель — посол России в Константинополе Игнатъев. «Нет ничего легче, — замечает Игнатъев в письме от 9 февраля 1872 года, — чем приобретение земель в Палестине и Сирии. Главная же трудность состоит в признании государством этих совершенных незаконным путем сделок»⁴⁹. Покровитель отца Антонина открыто выражает начальнику Миссии свое непонимание относительно стараний отца Архимандрита. По его мысли, выраженной в письме от 7 декабря 1871 года⁵⁰, приобретения отца Антонина будут иметь своим следствием лишь зависть со стороны инославных, впечатление, что русские имеют какой-то глубоко обдуманый государственный и церковный план в Палестине и, как результат, обострение соперничества в борьбе за святые места и земельные участки⁵¹. Считая более важным достойное содержание уже имеющегося имущества⁵², Игнатъев, мысливший лишь политическими категориями, не видел ценности в приобретении отца Антонина.

Тем не менее, вопреки своим убеждениям, Игнатъев сохранял доверие к отцу Антонину и оказывал ему необходимую политическую поддержку. Он убедил Порту признать законной покупку Дуба Мамврийского. Он в пору расцвета российского влияния в Константинополе добился удаления из Иерусалима паши Али Бея, поскольку отец Антонин находил его неблагоклонным в отношении интересов России в Палестине⁵³.

В Петербурге к приобретениям отца Антонина относились подобным же образом. Равнодушный к святыням чиновный Петербург не одобрял деятельности начальника Миссии также из политических соображений, из нежелания нарушать провозглашенный Россией в отношении святых мест статус кво.

Раздражение чиновников вызывало и то, что покупки архимандрита Антонина совершались им самостоятельно, без всякого разрешения свыше. Кроме того, земельные приобретения укрепляли позиции Миссии, что, естественно, не нравилось тем кругам, которые стремились низвести ее на уровень посольской церкви.

Следствием проведения такой линии стал указ Синода от декабря 1872 года, выражавший идею нежелательности дальнейших приобретений земли в Палестине⁵⁴.

Однако отец Антонин, влюбленный в Святую Землю и убежденный в правильности своих действий, продолжал приобретения и после синодального указа. Благоприятным условием к продолжению покупок явилась возможность после 1873 года регистрировать приобретения на имя российских подданных, что делало покупку земель менее заметной для глаз высшего начальства. В частности, в 1879 году на свое имя отец Антонин приобретает участок земли в Тиверии, на котором позднее был построен приют для паломников, получивший название «дом со сводами», и несколько других участков.

Приобретая земли, архимандрит Антонин занимался их активным освоением для целей паломничества, которые он поставил во главу своей деятельности. Его трудами на Елеонской горе был воздвигнут монастырь, в Айн-Кареме — ориентированное на монастырь сестричество, в Яффе — храм, в Тиверии, Хевроне, Иерихоне и других местах — приюты для паломников. По имени их основателя приюты одно время даже назывались «антониновские», или «архимандричьи»⁵⁵.

Говоря о деятельности архимандрита Антонина по приобретению земель, невозможно не упомянуть еще раз имя Якова Халеби — человека, без которого многие приобретения отца Антонина если и были бы возможны, то, во всяком случае, достались бы с большим трудом. Человек удивительной честности, Халеби после смерти архимандрита Антонина по собственной инициативе представил императорскому консульству полный список земельных участков и употребил все старания для перевода их на имя российского правительства⁵⁶.

Плодом деятельности архимандрита Антонина явилась передача в 1889 году в ведение Русской Духовной Миссии земельных владений почти на миллион рублей, что оказалось для многих в России совершенной неожиданностью⁵⁷.

В том, что к 1914 году Русская Духовная Миссия была владелицей огромной территории — земель в Палестине (более 100 гектаров), — во многом заслуга архимандрита Антонина.

Именно он выступил первопроходцем в этой области и, практически в одиночку, начал, казалось бы, безнадежное дело.

Показательно (с точки зрения отношения к святыням Палестины и заботы о русских паломниках) следующее соотношение: к началу Первой мировой войны земельные владения Духовной Миссии в пять раз превышали размеры собственности Палестинского Общества⁵⁸.

Несмотря на отсутствие как финансовой, так и административной поддержки и даже прямое противодействие, Духовная Миссия благодаря архимандриту Антонину и его преемникам в плане приобретения земель сделала намного больше, чем располагавшее значительно более широкими возможностями Императорское Православное Палестинское Общество.

Приобретения архимандрита Антонина (Капустина), имевшие огромную значимость для паломников из России в дореволюционные годы, получают особый смысл в наши дни, в период возрождения паломничества во Святую Землю. Уже не одну сотню паломников принял Горненский монастырь — детище отца Антонина. Надеемся, что в ближайшем будущем внесет свой вклад в развитие современного паломничества монастырь в Яффе, Тивериадский «дом со сводами».

III. Вклад архимандрита Антонина (Капустина) в развитие отношений Русской Православной Церкви с Иерусалимским Патриархатом

Место и значимость деятельности архимандрита Антонина в развитии отношений Русской Православной Церкви с Иерусалимским Патриархатом можно понять лишь разобравшись в общем контексте палестинской жизни второй половины XIX века.

Одним из самых важных вопросов во взаимоотношениях между представителями Русской Церкви и Иерусалимским Патриархатом был вопрос о русских паломниках в Иерусалиме. До того, как на этот вопрос наконец обратили внимание, русские богомольцы находились в полной зависимости от греческого духовенства Иерусалимской Церкви.

Эта зависимость в силу имевшего место корыстолюбия греческих священников была тяжким бременем для простых русских людей. С чистой душой отдавая грекам последнюю копейку, паломники в то же время не получали взамен должной заботы как в отношении удовлетворения своих религиозных чувств, так и в отношении своего быта. Жалобы на оставленность русских богомольцев и переносимые ими лишения побуждали к действиям.

Однако первая попытка к урегулированию вопроса была неудачной. Оставляя паломников под гегемонией греков, правительство приняло предложенные Иерусалимским Патриархом унижительные «Постановления о русских поклонниках».

Согласно «Постановлениям», все паломники размещались в двух греческих монастырях: Феодоровском и Екатерининском⁵⁹, где должны были находиться в полном подчинении у греческих служителей. Без разрешения своих приставников паломники, кроме храма и базара, не могли ступить и шагу. Особенно это касалось посещения святых мест: им показывали только то, что находили нужным. В отношении непослушных греки имели право применять карцер, ссылку в строгий монастырь и даже высылку в Россию⁶⁰.

Принципиальным шагом в деле создания для паломников нормальных условий было образование в 1847 году Русской Духовной Миссии.

Однако без создания приютов для паломников Миссия могла утешить своих соотечественников главным образом лишь богослужением на родном языке.

Все это прекрасно понимал отец Антонин, который как раз и направил всю свою энергию по пути приобретения участков земли и постройки на них паломнических домов. Деятельность Архимандрита вела к освобождению русских паломников от гегемонии греков, чего многим из последних очень не хотелось. Еще епископ Кирилл (Наумов), говоря об отношении Иерусалимского Патриархата к Миссии в вопросе о паломниках, замечает, что «Патриарху очень хочется прижать Миссию как можно крепче к своей груди, чтобы усыпить нас в своих отческих объятиях, то есть не дать самостоятельности»⁶¹.

Архимандрит Антонин, вопреки опасениям митрополита Филарета (Дроздова), считавшего его человеком слабого характера, был первым из начальников Миссии, занявшим в отношении Иерусалимской Патриархии относительно независимую позицию. В церковно-каноническом отношении, безусловно, он признавал каноническое преимущество Иерусалимского Патриархата и воздавал ему должное уважение. Однако в отношении внутренних дел Миссии вмешательство Иерусалимского Патриархата он считал неправомочным. В частности, реагируя на известие Патриарха Никодима о запрещении им двух членов Миссии за отпевание русской паломницы, архимандрит Антонин с твердостью ответил, что Миссия имеет своим долгом исполнение всех церковных треб для русских богомольцев⁶².

Однако самым большим вкладом в укрепление положения Миссии относительно Иерусалимской Патриархии были приобретение земельных участков и постройка на них монастырей, храмов и приютов для паломников. Греческая Патриархия воспринимала деятельность архимандрита Антонина по приобретению земель отрицательно. В частности, автор «Истории Иерусалимской Церкви» архиепископ Афинский Хризостом считает, что в результате деятельности отца Антонина и его упорства, были созданы новые принципы деятельности России в Палестине и вообще на Востоке; принципы, которые были противоположны истинной пользе Православной Церкви, поскольку имели своей целью вытеснение греков из их владений, возникновение межнациональной розни на Востоке и умаление авторитета и могущества Православных Церквей⁶³.

Конечно, трудно согласиться со столь преувеличенной и тенденциозной оценкой результатов деятельности отца Антонина, продиктованной греческим национализмом.

Да, архимандрит Антонин стремился к освобождению русских паломников от гегемонии греков, но не к вытеснению греков вообще, что, действительно, способствовало бы ослаблению Православия.

Подтверждением искренности его отношений к грекам служил филэллинизм начальника Миссии, его дружеские отношения с членами Святогробского братства. Наконец, духовником отца Антонина, напутствовавшим его в вечность, был настоятель лавры святого Саввы Освященного греческий иеромонах Анфим⁶⁴.

Ошибочно стилизовать борьбу отца Антонина за русских паломников как борьбу против греков как таковых, хотя многие греки воспринимали деятельность архимандрита Антонина именно таким образом.

В течение своего длительного пребывания в Иерусалиме архимандрит Антонин был свидетелем пяти патриарших выборов⁶⁵. С одними из Патриархов у него были более теплые отношения, с другими — более холодные и официальные. Однако принципиальная позиция начальника Миссии в отношении Иерусалимской Патриархии была одна и та же.

Находясь в послушании своей Матери-Церкви и свято соблюдая ее интересы, он всегда стремился к установлению нормальных и подлинно братских отношений между представителями двух Церквей — Церкви Иерусалимской и Церкви Русской. И несмотря на боязнь и обвинения со стороны воинствующего панэллинизма, многие из членов Святогробского братства воздавали отцу Антонину должное уважение за его плодотворную деятельность. Это уважение к отцу Антонину, не всегда проявлявшееся при его жизни, было засвидетельствовано Патриархом Герасимом и собором представительных лиц Патриархии, пришедших на погребение выдающегося палестинского труженика. Архимандрит Фотий — один из членов Святогробского братства, будущий Александрийский Патриарх, в своем слове у гроба отца Архимандрита, перечислив труды покойного, сказал: «Святая Матерь Церковь справедливо благословляет его память»⁶⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хризостом, архиепископ Афинский и всей Греции. История Иерусалимской Церкви. Афины, 1970. С. 769.

² Никодим (Ротов), архимандрит. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Л., 1959. Машинопись. С. 91.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Там же. С. 131.

⁷ Там же. С. 133.

⁸ Нехуштай Шай Шмуэль. Русская деятельность в Палестине в конце Османского периода: имущество и учреждения. Хайфский университет. 1984. С. 84.

⁹ Там же.

¹⁰ Norwood Derek. The Russian Presence in Syria and Palestine. Oxford, 1969. P. 44.

¹¹ Никодим (Ротов), архимандрит. Цит. соч. С. 177.

¹² Там же. С. 190.

¹³ Norwood D. Op. cit. P. 51.

¹⁴ Хризостом, архиепископ Афинский. Цит. соч. С. 815.

¹⁵ Norwood D. Op. cit. P. 51.

¹⁶ Хризостом, архиепископ Афинский. Цит. соч. С. 818.

¹⁷ Никодим (Ротов), архимандрит. Цит. соч. С. 259.

¹⁸ Там же. С. 258.

- ¹⁹ Там же. С. 264.
²⁰ Там же. С. 281.
²¹ Там же. С. 291.
²² Хризостом, архиепископ Афинский. Цит. соч. С. 824.
²³ Horwood D. Op. cit. P. 88.
²⁴ Ibid.
²⁵ Никодим (Ротов), архимандрит. Цит. соч. С. 290.
²⁶ Нехуштай Шай Шмуэль. Цит. соч. С. 84.
²⁷ Там же.
²⁸ Дмитриевский А. А. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу Православия на Востоке и, в частности, в Палестине // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Т. 24. СПб., 1904. С. 125.
²⁹ Там же. С. 95.
³⁰ Нехуштай Шай Шмуэль. Цит. соч. С. 10.
³¹ Хризостом, архиепископ Афинский. Цит. соч. С. 828–829.
³² Нехуштай Шай Шмуэль. Цит. соч. С. 12.
³³ Головое собрание Императорского Православного Палестинского Общества 21 мая 1894 года // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. СПб., 1894. С. 299.
³⁴ Отчет Общества // Сообщения ИППО. 1899. С. 33.
³⁵ Никодим (Ротов), архимандрит. Цит. соч. С. 361.
³⁶ Horwood Derek. Op. cit. P. 88.
³⁷ Ibid.
³⁸ Ibid.
³⁹ Никодим (Ротов), архимандрит. Цит. соч. С. 362.
⁴⁰ Там же. С. 385.
⁴¹ Там же. С. 416.
⁴² Православие и Православные // Сообщения ИППО. Т. II (сент. 1890 – февр. 1891). С. 52.
⁴³ Нехуштай Шай Шмуэль. Цит. соч. С. 15.
⁴⁴ Там же. С. 14.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ Там же.
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ Там же. С. 15.
⁴⁹ Horwood D. Op. cit. P. 93.
⁵⁰ Ibid.
⁵¹ Никодим (Ротов), архимандрит. Цит. соч. С. 408.
⁵² Там же.
⁵³ Horwood D. Op. cit. P. 89.
⁵⁴ Ibid. P. 94.
⁵⁵ Дмитриевский А. А. Начальник Русской Духовной Миссии архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу Православия на Востоке и, в частности, в Палестине // Сообщения ИППО. Т. XV. СПб., 1904. С. 95.
⁵⁶ Общее собрание Палестинского Общества // Сообщения ИППО. СПб., 1901. С. 10.
⁵⁷ Православие и Православные. С. 52. (Нет выходных данных книги).
⁵⁸ Баталден С. К. Судьба русского землевладения в Иерусалиме во время Палестинского мандата // Православный Палестинский сборник. М., 1992. С. 26.
⁵⁹ Хризостом, архиепископ Афинский. Цит. соч. С. 770.
⁶⁰ Никодим (Ротов), архимандрит. Цит. соч. С. 63–64.
⁶¹ Там же. С. 259.
⁶² Там же. С. 338–339.
⁶³ Хризостом, архиепископ Афинский. Цит. соч. С. 828–829.
⁶⁴ Никодим (Ротов), архимандрит. Цит. соч. С. 430.
⁶⁵ Horwood D. Op. cit. P. 91.
⁶⁶ Дмитриевский А. А. Цит. соч. С. 147.